

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭЛИТОГЕНЕЗЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Мясоедова В. А.

ФГБОУ ВО Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Россия (109004, Россия, г. Москва, ул. Земляной Вал, 73), e-mail: dbrf2408@yandex.ru

Настоящая статья посвящена описанию содержания понятия «меритократия» как нового принципа элитогенеза в постиндустриальном обществе. Основываясь на положениях основных концепций «технократии», «меритократии» и «постиндустриального общества» Т. Веблена, Г. Скотта, Г. Гантта, Д. Белла, выявляются основные меритократические стимулы молодежного элитогенеза. Обозначаются и описываются критерии постиндустриального общества, в соответствии с которыми определяется принадлежность России. Вводится понятие «инфляция дипломов», указывается причина такого понятия как «инфляция дипломов». Приводится анализ источников, содержащих информацию о приоритетных образовательных стратегиях и их популярности в молодежной среде, отношение учащейся молодежи к меритократическим «лифтам». Рассматривается влияние уровня и качества образования на элитогенез в молодежной среде, его роли и значению для формирования элит в современной России.

Ключевые слова: элитогенез, молодежь, образование, меритократия.

EDUCATION ROLE IN ELITOGENEZ OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Myasoedova V.A.

K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University), Moscow, Russian (109004, Russian, Moscow, street Zemljanoj Val, 73), e-mail: dbrf2408@yandex.ru

This article describes the concept of "meritocracy" as a new principle elitogeneza in postindustrial society. Based on the provisions of the basic concepts of "technocracy", "meritocracy" and "post-industrial society" Veblen, G. Scott G. Gantt, D. Bell, identifies the main meritocratic incentives elitogeneza youth. Describes the criteria for labeling and post-industrial society, according to which Russia belongs is determined. The notion of "inflation of diplomas," states the reason for such thing as "the inflation of diplomas." The analysis of sources containing information on the priorities of educational strategies and their popularity among the youth, the ratio of students to the meritocratic "lift". The influence of the level and quality of education at elitogenez among young people, its role and significance for the formation of elites in contemporary Russia.

Keywords: elitogenesis, youth, education, meritocracy.

В понятие «меритократия», происходящее от латинских корней *meritus* – заслуга, достижение, достоинство и *cratos* – власть, вложен довольно эгалитарный смысл. В соответствии ему образование должно нивелировать различия между людьми и создавать равные стартовые возможности с остальными. Изначально это понятие было введено М. Янгом в работе 1958 г.[12] в критическом и элитарном смысле, в соответствии с которым представления эпохи Просвещения о том, что образование будет способствовать равенству – всего лишь иллюзия. Напротив, неравный доступ к образованию в силу неравных возможностей становится средством защиты элитами своего привилегированного положения.

Цель исследования: выявить критерии, определяющие принадлежность российского общества к постиндустриальному, проследить имеет ли место рост меритократии и как это отображается в образовательных стратегиях современной российской молодежи.

«Современное общество большинство нынешних социологов и политологов называют постиндустриальным или информационным, а в последние годы все больше обществом знания» [7]. Один из родоначальников концепции постиндустриального общества Д. Белл выстраивает свою теорию вокруг возрастающей роли научного знания в функционировании и изменении основных сфер, «осей» общества: экономики, политики, культуры. Центральными институтами постиндустриального общества выступают университеты и научно-исследовательские центры. Развитию экономики постиндустриального общества, отмеченной доминированием сферы услуг над сферой производства, служит научно-технический прогресс и ускоренная интеграция наукоемких технологий. Причем тот факт, что последние требуют все меньшего физического труда и все большего образования рабочих-аппаратчиков, заставляет Белла радикально пересмотреть теорию социальной стратификации и соответственно принцип элитогенеза в постиндустриальном обществе. Речь идет о знаменитой теории «меритократии» Белла, пришедшей на смену более ранним американским утопиям «технократии» Т. Веблена, Г. Скотта, Г. Гантта [11].

В соответствии «меритократическому идеалу» Белла в постиндустриальном обществе имущественный критерий и соответствующий ему классовый принцип социального неравенства уступят свое первенство профессиональному принципу и критерию обладания знаниями. Широкий доступ к образованию будет способствовать вытеснению классовообразования индивидуальной конкуренцией, а борьба элит за политическую власть будет вытеснена конкуренцией научно-исследовательских институтов, финансируемых корпорациями, желающими заполучить их инновации. Иными словами, в постиндустриальном обществе элитогенез заменит научно-технический прогресс, подгоняемый рыночной конкуренцией. Соответственно политическая власть, сведенная к простому алгоритмическому администрированию, будет достигаться благодаря уровню специализации, компетентности и образования.

Своего рода концепцией «меритократии» применительно к «бизнес-элите» служат работы Шумпетера, который обосновал необходимость добавления к классической триаде производственных факторов Ж.Б. Сея еще одного – «предпринимательских способностей». Под ними экономист подразумевает не что иное, как способность к инновации, обеспечивающей экономическое развитие, не сводимое к росту. Инновативность в качестве отличительной характеристики экономической элиты возвращает к вопросам знания, образования и наукоемких технологий.

Необходимо отметить, что свою теорию меритократии Д. Белл развивает до начала широкомасштабной информационно-коммуникативной революции, которая ещё в большей мере повысила роль обладания знаниями, информацией как критерия принадлежности к

элите. Развитие информационно-коммуникативных технологий, кульминацией которого стало появления глобальной информационной сети Интернет, заставило еще более радикальным образом пересмотреть теорию элит и принципы элитогенеза. В частности А. Бард и Я. Зодерквист, авторы концепции «нетократии», утверждают, что интернет может быть не только усилителем сотрудничества, но и средством защиты элитами своего привилегированного положения, поскольку интернет позволяет контролировать массы, навязывая им определенные стили жизни, потребительские предпочтения, культурные модели и т.п. В целом дискурс о том, является ли проект Просвещения и выросшая на его основе «культуриндустрия», на равных правах объединяющая образование и СМИ, эмансипационным и эгалитарным проектом или, напротив, проектом господства – восходит к теоретикам франкфуртской школы [12].

Все вышеуказанное заставляет ведущих современных российских элитологов, Г.К. Ашина, О.В. Крыштановскую и О.В. Гаман-Голутвину [1], всерьез обратиться к роли образования в элитогенезе, проблеме «меритократии», а также к смежным вопросам элитного образования, элитного университета, интеллектуальной элиты. Это чрезвычайно значимо для элитогенеза молодежи, поскольку основным аспектом деятельности этой социально-демографической группы является именно образование [6]. Разумеется, широкие возрастные границы от 15 до 30 не позволяют определять молодежь исключительно через образование, поскольку старшая её часть вовлечена и в трудовую деятельность. Однако, учитывая растущую роль образования в современных сложных обществах, уместно будет предположить, что образовательная деятельность в большей мере определяет молодежь, нежели чем трудовая. Если прибавить к этому все большую роль образования в элитогенезе постиндустриального общества, а также фору, которую молодежи дает более быстрая по сравнению со старшими поколениями адаптация к развитию информационно-коммуникативных технологий, то уместно предположить, что современная молодежь имеет уникальную историческую возможность, какой не было прежде и не будет после, пополнить и омолодить состав элиты. Справедливо ли это? Является ли Россия постиндустриальным обществом, имеет ли место рост меритократии, как это отображается в образовательных стратегиях современной российской молодежи?

В своих работах о социологических и образовательных основах общества 1979 г. Р. Коллинз продемонстрировал, что рост доступа к образованию не способствует уравниванию, а, напротив, ведет к возвышению элит [9]. Основным аргументом Коллинза служит доказательство того, что вовсе не технический прогресс и рост требований к технической грамотности работников служит причиной возрастания требований к дипломам. Напротив, причиной тому служит «инфляция дипломов», разворачивающаяся в силу роста доступа к

образованию. Дипломы и степени становятся валютой социальной респектабельности, обмениваемой на элитные позиции. Поэтому, чтобы элиты и дальше могли безболезненно обменивать дипломы на привилегии, система образования реагирует на «инфляцию дипломов» увеличением количества образовательных ступеней. Это приводит к тому, что над необходимым образованием надстраивается высшее, а затем, по мере того как все более широкие массы начинают стремиться к получению добавочного, дополнительного образования, в рамках высшего образования вырастает элитное высшее образование, элитные университеты и т.д. Таким образом, модель, в соответствии с которой наиболее образованные получают большую власть и большую часть дохода, работает лишь до определённого периода, после которого, как это прекрасно выразил У. Бек, развивший идею Коллинза: «аттестаты всё менее достаточны и всё более необходимы» [2]. В итоге образование превращается в «холодильник для молодежи», провозглашающим своим ученикам, что открывает им путь к элитарным позициям, а в итоге выбрасывающим их в экономику, где дипломы не дают жизненных шансов.

Наконец, всем известный «железный закон олигархии» Р. Михельса получил развитие применительно к постиндустриальному обществу и стал «железным законом меритократии», в соответствии которому неравенство, рожденное меритократической системой, приводит к тому, что меритократические «лифты» отказывают. Этот закон выражает принцип обратный тому, что подразумевал «этос науки» Р. Мертон [10]. Согласно ему, даже если представить себе науку и образование по ту сторону власти и денег, то те, кто оказался способен подняться по меритократической лестнице, найдут способ исправить её эгалитаризм и устроить выборочный подъем для последующих претендентов, чтобы помочь «своим» и замедлить «чужих».

Приведенные в дополнение теоретические воззрения уже сами по себе являются ответом на вопрос: имеют ли в условиях «инфляции дипломов» место меритократические стимулы молодежного элитогенеза, способствует ли ему информационно-коммуникативная революция?

Одним словом, ведущие отечественные элитологи убеждены в том факте, что политические институты всегда были и остаются ведущим каналом элитогенеза, по сравнению с экономическим или образовательными и культурными. Общественное представление о роли образования в элитогенезе было ложным?

Однако в силу инфляции дипломов обмен человеческого потенциала на политический или экономический капитал оказался невозможным. Результатом стало изменение образовательных стратегий молодежи. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров, опирающиеся на основы лонгитюдного исследования отделом социологии молодежи ИСПИ РАН 2011 г.,

утверждают, что основная угроза воспроизводства интеллектуального капитала в системе высшего образования – нарастающая тенденция девальвации ценности образования среди молодежи. Вслед за элитами, молодежь, разочаровывающаяся в возможностях образования, стала относиться к нему инструментально. Причем наибольшее недовольство молодежи вызывали коммерциализация образования и предпринятая реформа. Возможности, которое может дать образование, по словам авторов: «все меньше определяются способностями молодых людей и все больше зависят от “родительских кошельков”» [4].

В реформах образования с очевидностью обнаруживаются признаки борьбы с «инфляцией дипломов». Болонский процесс, служащий интеграции единого европейского пространства, способствующей транснациональной мобильности в обучении, для отечественной системы привлекателен лишь возможностью добавить дополнительную ступень образования. То же в целом касается превращение аспирантуры в так называемую «третью ступень». Введение ЕГЭ, из которого предполагалось сделать видимость упрощения правил «входа» в систему высшего образования, на практике уменьшил доступ, поскольку поступление в элитные ВУЗы предполагает сдачу дополнительных вступительных испытаний. Последним шагом стало набирающее темпы сокращение количества ВУЗов и удорожание цен на образовательные услуги (но отнюдь не растущее качество образования).

Вышесказанное не означает, что вся без исключения молодежь мотивирована стать элитой и фрустрация этих элитарных притязаний вызывает недовольство. Недовольство вызывает скорее отказ меритократических «лифтов», демонстрирующее закрытый характер отечественной социальной системой. В России эффект «инфляции дипломов» не имел столь острых последствий в силу депопуляции и сокращения доли молодежи в населении. Однако экономический кризис 2008 г. обострил обесценивание дипломов, сделав основной проблемой для их обладателей поиск не более высокооплачиваемой работы, а трудоустройство как таковое. Как отмечают Ю. А. Зубок и В. И. Чупров, большая часть дипломированной молодежи работает не по специальности. Отсюда не удивителен нигилизм молодого поколения по отношению к возможности меритократии.

Обычно, когда хотят доказать ошибочность подобного прохладного отношения молодежи к образованию, приводят данные исследований, свидетельствующих о росте уровне зарплаты с каждым дополнительным годом, посвященным образованию. Например, исследование Д. Несторова и К. Сабирьянова. Однако после 2008 г., когда само трудоустройство стало проблемой, образовательным стратегиям молодежь предпочитает гарантированные трудовые стратегии, используя дополнительное заочное образование и трудовой стаж для повышения уровня зарплат – о чем свидетельствуют данные Г.А. Чердниченко. О том же в целом свидетельствуют и исследования таких авторов, как Ю. А.

Зубок и В. И. Чупров: «Каждый второй [молодой человек] считает, что знания – лишь средство решения поставленных задач, а 48,6 % молодых людей убеждены, что деньги могут заменить знания» [8]. В другой своей статье, посвященной молодежному радикализму, Зубок и Чупров свидетельствуют о том, что из всех структурных элементов молодежи наиболее скептическое отношение к образованию разделяют студенты ВУЗов [3; 5]. В итоге возможностью трезвого разочарования в «меритократическом идеале» среди молодежи выступает получение образования, не являющегося достаточным ни для элитогенеза, ни для трудоустройства.

Таким образом, Россия не может на сегодняшний день являться постиндустриальным обществом, что подтверждается фактом лидерства в экономике страны добывающей промышленности, а не сектора услуг. Меритократия и критерий образования знания не являются и никогда не были решающим критерием элитогенеза, однако обладание свидетельствами о все большем образовании является необходимым (хотя совсем недостаточным) критерием принадлежности к элите. В силу чего российскому образованию не понаслышке знакома проблема «инфляции дипломов». Причиной этой инфляции является не только инструментальное (демонстративное) использование образования в элитогенезе, но и в большей степени широкий доступ к образованию советского периода, когда сращение политики и образования превратило прохождение образовательных ступеней в средство элитогенеза. В настоящее время общественное представление о значимости образования как критерия элитогенеза практически рассеяно, однако спрос на образование поддерживается элитами, а также сокращением доли молодежи в населении.

Список литературы

1. Ашин Г.К. Элитный университет в системе элитного образования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 1. Т. XI. С. 31-49.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс- Традиция, 2000.
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Воспроизводство интеллектуального капитала в системе высшего образования в условиях изменяющейся социальной реальности // Научные ведомости, 2013. № 23. Вып. 26. С. 87-92.
4. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Управление рисками в сфере образования молодежи // Экономика образования. 2008. № 1. С. 85-94.
5. Лебедева Н.А. Механизмы формирования научно-инновационного мировоззрения студенческой молодежи // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – №6; www.science-education.ru/113-10822 (дата обращения: 01.06.2015).

6. Масалов А.Г. теоретические подходы к определению сущности молодёжи // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. История и политология, 2012. № 2. С. 102-110.
7. Панфилова Т.В., Ашин Г.К. Перспективы высшего образования в России (реформирование или ликвидация) // Экономика образования. 2007. № 1. С. 72-76.
8. Чердниченко Г.А. Образовательные траектории и профессиональные карьеры (на материалах социологических исследований молодежи). М.: ИС РАН, 2012.
9. Collins R. The Credential Society: An Historical Sociology of Education and Stratification. N.Y.: Academic Press, 1979.
10. Hayes C. Twilight of The Elites: America after meritocracy. N.Y.: Crown Publishing, 2012
11. Veblen Th. The Engineers and the Prize System. N.Y., 1921.
12. Young M. The Rise of the Meritocracy, 1870-2033. L.: Thames & Hudson, 1958.

Рецензенты:

Мамедов А.К., д.соц.н., профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва;

Гайдук В.В., д.пол.н., профессор, заведующий кафедрой политологии Башкирского государственного университета, г. Уфа.